

«ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ» И ЦЕЛИ ГЕНДЕРНОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЁЖИ В ИЗМЕНЯЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ¹

Л. ШТЫЛЕВА

Когда общество находится на переломном этапе своего развития, а темпы изменений стремительно ускоряются, особое значение приобретают цели, которые ставятся перед обществом, и *ценности*, на основе которых планируется их достижение, поскольку именно ценности лежат в основе убеждений и поступков.

В социогуманитарных науках под ценностями подразумеваются «...утверждения о должном с позиций культуры, широкие принципы, лежащие в основе убеждений, определённых утверждений, которые люди считают истинными. <-> Культурные ценности и убеждения влияют не только на наше восприятие окружающей среды, но и формируют ядро личности» [10, с.110]. Для педагога цели развития российского общества, изложенные в «Концепциях» и «Стратегиях» модернизации, нормативно-правовых документах образования и Посланиях Президента, акцентированные в них ценности, выступают в роли социально-педагогических ориентиров воспитания подрастающего поколения.

Не секрет, что в последние годы приоритетом государственного идеологического аппарата стали «традиционные ценности»,

которые активно навязываются российскому обществу как идеалы национальной и гражданской идентичности, панацея от «тлетворного влияния Запада». При этом под «традиционными ценностями», как показывает анализ доступных документов и дискурсов, подразумевается «система ценностей, которая была в патриархальной России» [13] с «... опорой на нравственность, с опорой на церковь» [12], а представления о них отдельных политиков и служителей современной церкви — истиной в последней инстанции.

В многочисленных словарях значение слова «традиция», происходящего от латинского *traditio* (*передача*), интерпретируется как «установленный, укоренившийся порядок, обычай, унаследованный от предыдущих поколений», а также как «ценность» [18]. Но даже на уровне здравого смысла понятно, что не любая традиция является ценностью, достойной передачи последующим поколениям, имея ввиду такие широко известные «традиции» нашей национальной культуры, как злоупотребление алкоголем и ненормативной лексикой, домашнее рукоприкладство в отношении женщин и детей, воровство, упование на «авось» и др.

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект 15-16-77006).

Достойна изумления скорость «смены веж», с которой некоторые вчерашние пропагандисты научного мировоззрения, научно-технической модернизации и социальных инноваций переориентировались на вектор «любви к отеческим гробам» (*ключевое слово* — гроб). При этом если в среде политологов и социологов ещё ведётся хоть какая-то дискуссия по поводу соответствия моральных максим традиционной культуры современному этапу развития российского общества [14], то среди педагогов царит удивительное согласие и единодушие, о чём свидетельствуют, с одной стороны — отраслевые законы и нормативно-методологические документы, ориентирующие педагогов на императив «традиционных ценностей» в воспитании, а с другой — нарастающий традиционалистский тренд публикаций в педагогической периодике. Так, если в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования» [5] ещё более-менее гармонично сочетаются ориентация на общечеловеческие ценности с ориентацией на традиционные ценности православной культуры, то в «Стратегии развития воспитания в РФ на период до 2025 г.» (2015) этот баланс нарушен в пользу традиционализма. (Банальный арифметический подсчёт показал, что на 10 страницах текста (А-4) термин «традиция» и производные от него употребляются 20 раз, а «современность» — всего лишь трижды...).

В то же время, для абсолютного большинства понятие «традиционности» ассоциируется со значением «делать так, как было раньше». (Не случайно именно такой способ общественного воспроизводства, характерный для доиндустриальной эпохи, называется традиционным.) В таком случае как обеспечить движение вперёд и развитие, к чему призывает Стратегия развития воспитания,

ориентируясь, в основном, на то, что «было раньше»? Это всё равно, что идти вперёд с головой, на 180 градусов вывернутой назад: неудобно и очень опасно. Складывается впечатление, что политики, общественные деятели и педагоги-учёные, призывающие безоглядно следовать в воспитании современной молодёжи «традиционным ценностям», игнорируют стратегические направления социокультурного развития цивилизации и глобализацию², в контексте которых разворачиваются события нашей жизни.

Один из самых значимых и существенных аспектов процесса человеческого развития за последние сто лет, как утверждают учёные, — это изменение гендерного порядка, социокультурных отношений между женщинами и мужчинами в семье и обществе (гендерных отношений). Более того, на постиндустриальном этапе модернизации утверждение гендерного равенства как антипода *традиционной* иерархии полов в семье и обществе становится одним из ключевых аспектов изменений, так как «...ситуация с гендерным равенством представляет собой весьма чуткий индикатор того, насколько продвинулась та или иная страна по пути человеческого развития» [7, с.394].

В свете вышеизложенного представляется весьма своевременным обратить внимание педагогов в первую очередь на релевантность установки на «традиционные ценности» в воспитании подрастающего поколения стратегическим целям модернизации современного российского общества.

Во-вторых, нас особенно беспокоит огульная установка на «традиционные ценности» в сфере *гендерной социализации молодого поколения, подготовки молодёжи к семейному образу жизни*. Необходимо разобраться: идёт ли речь о воспитании у молодёжи отношения *к семье как традиционной общечеловеческой ценности* или

² *Глобализация* — процесс всемирной экономической, политической, культурной и религиозной интеграции и унификации. Основным следствием этого являются мировое разделение труда, миграция (и, как правило, концентрация) в масштабах всей планеты капитала, рабочей силы, производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Это объективный процесс, который носит системный характер, то есть охватывает все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов.

о воспитании завтрашних мужей и жён в духе ценностей традиционной, т.е. патриархатной семьи? На наш взгляд, это не одно и то же, и требует от педагогов, как минимум, понимания смысла дефиниций и различий между ними.

Ведущая идея ответов на поставленные вопросы заключается в том, что ни одна культура не остаётся статичной, непрерывно накапливаются и происходят изменения, которые не являются линейными, но в целом характеризуются современной наукой как процесс эволюционного перехода от общества *традиционного* типа, к *современному индустриальному* и далее — к обществу *постмодернити* (которое именуют также «информационным» и/или «постиндустриальным» обществом).

С точки зрения авторов теорий культурной эволюции и модернизации, каждому этапу развития общества соответствуют ценности, которые являются, с одной стороны — результатами, а с другой — «драйверами» развития культуры (Д. Белл, М. Вебер, Р. Ингелхард, П. Сорокин и др.) Чтобы представить обобщённую картину доминирующих ценностей типов культуры, мы перечис-

лили их характеристики, обнаруженные в трудах историков, культурологов, философов и социологов (Табл.1)³:

Таким образом, под «*традиционными ценностями*», которые вполне обоснованно, с точки зрения социогуманитарного знания, именуются ещё и «ценностями выживания», подразумеваются *ценности традиционного доиндустриального общества*, не ориентированного на развитие и модернизацию, крайне негативно относящегося к изменениям в технологиях и социальном порядке семьи и общества (в том числе и в гендерном укладе). Основа жизнедеятельности такого общества — земледелие, торговля и производство *на основе ручного труда*, а доминирующие ценности — традиции и обычаи, вера в сверхъестественное, т.е. в Бога, примат коллектива над личностью и обусловленные этим — иерархия, повиновение, преклонение, раболепие по отношению к вышестоящим и грубость и презрение по отношению к нижестоящим снизу доверху.

Общеизвестно, что процесс нарастающего и необратимого превращения традиционного (доиндустриального) общества в современное (индустриальное), именуемый *модерниза-*

Таблица 1

Ключевые ценности типов культуры

Культура доиндустриального общества (традиционная/ патриархат)	Культура индустриального общества (эпохи модерна)	Культура постиндустриального общества (модернити)
Ценности выживания: традиции и обычаи, групповые стандарты поведения, вера в сверхъестественное (Бог), примат коллектива над личностью, социальный конформизм, иерархия, повиновение, преклонение и раболепие по отношению к вышестоящим (власти), грубость и презрение по отношению к нижестоящим, традиционная семья	Ценности развития: технический прогресс, секуляризация и вера в человеческий разум, науку; личный успех, предприимчивость, рациональность, трудолюбие, честность и порядочность, образованность, здоровье, высокая мобильность; Права человека и равноправие; эмансипация, индивидуализм, нуклеарная ⁴ семья	Ценности самовыражения: независимость и плюрализм, творческое саморазвитие, свобода слова, информации, выбора стиля жизни и индивидуального самовыражения; хорошее образование, благосостояние и счастье людей, здоровый образ жизни, мир, ненасилие, веротерпимость, самоактуализация, качество жизни, семья

³ Д. Белл, М. Вебер, О.А. Воронина, Р. Ингелхард, Т. Клименкова, О. Маргания, К. Маркс, Дж. Масионис, Б.М. Меерсон, М. Мид, Л. Морган, Т. Парсонс, Д.В. Прокудин, П. Сорокин, А. Тойнби, Д. Травин, Э. Тоффлер, Е.А. Здравомыслова и др.

⁴ *Нуклеарная семья* — в отличие от патриархатной семьи (многопоколенной и многодетной) состоит лишь из двух поколений — родителей и их детей.

цией, в Европе начался лишь в XVIII в. в результате промышленных революций. С точки зрения социологии, *модернизация* — это процесс, в ходе которого увеличиваются экономические и политические возможности данного общества: экономические — посредством индустриализации, политические — посредством бюрократизации. Модернизация обладает большой привлекательностью благодаря тому, что она позволяет обществу двигаться от состояния бедности к состоянию богатства, от жизни в постоянном страхе за выживание к жизни в относительном достатке и с уверенностью в завтрашнем дне. Соответственно, ядром процесса модернизации является *индустриализация*; экономический рост становится доминирующей социальной целью, а доминирующую цель на индивидуальном уровне начинает определять достижительная мотивация (Р. Инглхарт). К настоящему моменту этот процесс захватил почти весь мир. Но, как показали исследования, время начала изменений, длительность, темпы и стратегии перехода от традиционного типа культуры к индустриальному у разных народов, этносов и государств значительно разнятся. Так, если Великобритания вступила в стадию промышленного переворота в 1783 г., а в стадию индустриализма вошла в 1802 г.; Франция — в 1830–1860 гг.; США — в 1843–1860 гг.; Германия — в 1850–1873 гг.; то Россия начала свой переход лишь в 1890–1914 гг. (У. Росту) [22].

В культурном плане содержание эпохи модернизации составляли две основные тенденции — **интеллектуализация** и **секуляризация**, что означало «всепроникающую рационализацию всех сфер общества» (М. Вебер), привело к сдвигу от традиционных ценностей к рационально-правовым в экономической, политической и социальной жизни, обусловило «...радикальный разрыв между *христианскими, по своей генеалогии, структурами* и их новым, *секулярным содержанием*». (Курсив — ЛШ) [3].

Становление во второй половине XX в. в ряде государств Европы и Америки передового индустриального общества, как показывают исследования социологов и культурологов, привело к новому совершенно особому сдвигу в базовых ценностях.

Лонгитюдное исследование эволюции культурных ценностей в конце XX — начале XXI вв. (Р. Инглхарт, К. Вельцель), основанное на данных по 43-м культурам, охватывающим более 70% населения Земли (включая Россию — ЛШ), показало, что в значительной части мира нормы индустриального общества, с их нацеленностью на дисциплину, самоотвержение и достижения, уступают место всё более широкой *свободе индивидуального выбора жизненных стилей и индивидуального самовыражения*. Это свидетельствует о том, что в передовых индустриальных обществах превалирующее направление развития в последнюю четверть XX в. изменилось, и перемены в происходящем настолько фундаментальны, что уместно охарактеризовать их скорее как «*постмодернизацию*», а не «модернизацию».

Существенные различия между ценностями двух эпох заключаются в том, что: «*Ценности постмодерна* отличаются более высоким приоритетом самовыражения, нежели экономической эффективности. Общество постмодерна характеризуется упадком иерархических институтов и жёстких социальных норм и расширением сферы индивидуального выбора и массового участия» [5].

Из вышеизложенного следует, что квинт-эссенция смены культур в XX в. — это ключевой сдвиг от *ценностей выживания* к *ценностям благополучия*, а стратегическое направление эволюции культуры от современного (индустриального) общества к постиндустриальному в XXI в. «...связано с всеобъемлющим гуманистическим сдвигом, в рамках которого *распространение ценностей равенства и самовыражения преобразует процесс модернизации в процесс человеческого развития*» [7, с. 395]. Данные современных исследований указывают на широко распространяющиеся изменения в базовых ценностях населения индустриальных и индустриализирующихся стран, связанные со сменой поколений и, таким образом, происходящие постепенно, с «культурным лагом», но обладающие немалым долговременным импульсом. Философский анализ ценностных ориентаций современного российского общества (С.Ю. Кагитина) также подтверждает, что: «Последующее развитие будет приниматься

молодёжью и другими социально-демографическими группами российского социума настолько, насколько оно будет открывать возможности свободного выбора ценностных установок, жизненных стратегий, самоактуализации личности, реализации её индивидуальных прав и свобод в рамках гражданского общества» [8, с.21].

Именно этот гуманистический вектор эволюции культуры, высвеченный социологами и культурологами в результате исследований трансформации культуры индустриально развитых и индустриально развивающихся стран, должен стать для российских педагогов ориентиром в понимании процессов, происходящих и в нашем обществе.

Резюмируя результаты исследования по первому вопросу, мы можем заключить, что «традиционные ценности» в буквальном значении этой дефиниции, характерные для доиндустриального общества и культуры патриархата, не только не могут служить опорой модернизации России в XXI в., но, напротив — выступают существенным тормозом развития. Вопреки представлениям авторов «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.» ценности традиционной культуры, передаваемые из поколения в поколение, не являются *безусловными ценностями*, обеспечивающими развитие страны, а также личностного потенциала детей и подростков в современных условиях.

Это подтверждается, в том числе, упомянутым ранее исследованием Р. Инглхарта, в котором прямо говорится, что: «В отличие от передовых стран, Россия совершила только один из двух модернизационных переходов: от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, что соответствует переходу от аграрного общества к индустриальному. Второго перехода — от ценностей выживания к ценностям самовыражения (грубо говоря, от жадности и подозрительности к открытости и нематериальным интересам), — знаменующего переход к постиндустриальному обществу, пока не произошло» [6]. Известный российский философ и культуролог А.С. Ахиезер также полагает, что «...российское общество — это общество промежуточной цивилизации. Оно

вышло за рамки традиционности, но так пока и не смогло перешагнуть границы либеральной цивилизации».

Таким образом, сам собой напрашивается *ответ и на второй вопрос нашего исследования*: современное российское общество находится пока ещё *на завершающем этапе процесса модернизации*. Показательно, что *мнения* отечественных учёных о *необходимости* (и степени) трансформации традиционного общества в России существенно расходятся. Например, философ А. Дугин считает необходимым отказаться от принципов современного общества и вернуться к «золотому веку» традиционализма. Социолог и демограф А. Вишневский [1] утверждает, что у традиционного общества «нет шансов», хотя оно и «яростно сопротивляется». Согласно расчётам профессора А. Назаретяна, для того чтобы полностью отказаться от развития и вернуть общество в статичное состояние, численность человечества необходимо уменьшить в несколько сотен раз.

Но даже краткий экскурс в историю социокультурной эволюции и модернизации свидетельствует, что ключевое направление эволюции ценностей культуры, начиная с доиндустриальной и до сегодняшнего дня — это движение:

- от ценностей рода к ценностям индивидуальности, свободе выбора и самовыражения;
- от сакрального бесправия и смиренного созерцания — к ценностям прав человека, активному участию личности в делах общества и государства;
- от статики религиозного сознания — к динамизму научного познания природы и человека.

При этом, как показывают исследования, пресловутая «уникальность России», как, впрочем, и уникальность любого модернизирующегося общества, не отменяет базовые парадигмы перемен. «Каждое из них меняется, но флуктуации этих перемен не отменяют общей векторности развития. Россия не станет копией Франции или Германии, но станет более технологичным, информационным, открытым обществом. Основная, чёрная, модернизационная работа выполнена в России в рамках «консервативной совет-

ской модернизации». Ушла в прошлое Россия крестьянская, православная, общинная. В рамках российского модернизационного проекта необходимы институциональные и ценностные трансформации...» [3].

Современное развитие модернизационного процесса в России можно квалифицировать как *инверсионное*, то есть такое, которое реализуется в форме маятниковых колебаний культурных перемен («туда-обратно», например, от традиционного состояния к социальным преобразованиям, от преобразований — к восстановлению ряда утраченных культурных форм). Социально-экономические катастрофы 1990-х гг. сдвинули Россию в целом к полюсу ценностей выживания, но экономический подъём в начале 2000-х годов качнул маятник перемен в обратную сторону. Остаётся надеяться, что дальнейший рост материального благополучия приведёт к новому ценностному сдвигу у поколения молодёжи, который, по наблюдениям учёных, «...уже можно наблюдать в виде островков постматериализма в Москве и Санкт-Петербурге» [Там же]. В какую сторону качнется маятник — к прогрессу или регрессу, в немалой степени зависит и от педагогов.

Перейдём к исследованию последнего вопроса нашей статьи — эволюции **ценностей семьи**, под которыми подразумеваются устоявшиеся представления о структуре и значимости семьи как таковой в жизни человека, о нормативных ролях и о характере отношений между членами семьи и др.

Семья и семейный образ жизни как устоявшиеся (традиционные) ценности увековечены в народных сказках, шедеврах мировой литературы и искусства, закреплены в документах ООН [Всеобщая декларация прав человека, ст.16 (3) и др.] и национальных правовых актах (Конституция, Семейный кодекс РФ и др.) Необходимо подчеркнуть, что в современном дискурсе семьи понятие «традиционная» чаще употребляется для характеристики не столько структуры, сколько властных диспозиций и социально-психологических отношений между супругами, родителями и детьми.⁵ В этом смысле традиционная семья как

подсистема культуры традиционного типа характеризуется не только многочисленностью поколений, вынужденных по экономическим причинам проживать под одной крышей и вести совместное хозяйство, но жёсткой иерархией и неравенством в отношениях между старшими и младшими, между женщинами и мужчинами, родителями и детьми. Не секрет, что для традиционной семьи обычным делом (т.е. «ценностью») является самоуправство и рукоприкладство мужа по отношению к жене и детям («Бьёт — значит любит»), рутинное отношение к высокой детской смертности («Бог дал, Бог и взял») и к периоду детства в целом; пренебрежение чувствами и желаниями зависимых членов (полное бесправие подросших сыновей и дочерей в брачном, профессиональном и др. выборе), норма эмоциональной скупости и твёрдости канона отцовской роли, нередко граничащая с жестокостью, физические наказания и эмоциональное насилие со стороны родителей по отношению к детям как метода воспитания. Об этом свидетельствуют не только пословицы и поговорки, но известные произведения литературы и искусства, мемуарная и историческая литература. Сравнивая между собой модели традиционной и современной семьи, нетрудно заметить, что функции семьи, представления о «должном» поведении её членов и характере семейных отношений исторически изменялись.

Всемирно известный социолог Элвин Тоффлер так писал о путях эволюции семьи:

«Мы видели, как по мере продвижения Второй волны (*перехода от традиционного общества к индустриальному — ЛШ*) семья передавала многие из своих функций другим институтам: образование — школам, заботу о больных — больницам и так далее. Эта постепенная утрата функций семьи сопровождалась возникновением романтической любви.

В эпоху Первой волны (*переход к аграрному обществу*) при подыскивании супруга люди справедливо задавались вопросом: «Будет ли мой предполагаемый супруг хорошим работником? Лекарем? Хорошим учителем для наших будущих детей? Хорошо ли

⁵ Модную проблему однополых браков мы выносим за скобки как неактуальную для нашей культуры.

будет работать с ним вместе? Возьмёт ли он (она) на себя полную нагрузку или будет уклоняться от неё?» Крестьянские семьи интересовались: «Сильная ли она? Легко ли наклоняется и разгибается? Или она слабая и большая?»

Когда эти функции семьи в период Второй волны отпали, вопросы изменились. Семья не была уже сочетанием производственной группы, школы, полевого госпиталя и детского сада. Вместо этого её психологические функции сделались более важными. Брак предполагал дружеское общение, секс, теплоту и поддержку. Вскоре это изменение функций семьи отразилось в новых критериях при выборе супруга. Они были сведены к одному слову: ЛЮБОВЬ [20].

Из вышеизложенного следует, что в процессе перехода общества от традиционного типа культуры к индустриальному резко ослабела экономическая функция семьи, поскольку основные средства для существования добывались теперь за её пределами, но сохранилась сексуальная функция (т.е. монополия брака на «законный» секс) и функция воспитания детей (хотя количество детей и снизилось). Сохранялось и традиционное распределение ролей: муж по-прежнему рассматривался как основной «добытчик», а уделом жены в большинстве стран, по крайней мере, до середины XX в., оставалась забота о детях и «домашний очаг». (В России после октября 1917 года, а затем в СССР этот расклад был несколько иным.)

Необходимо также напомнить, что переход в XIX веке от большой патриархальной семьи к малочисленной *нуклеарной семье* многими воспринимался как катастрофа, как отход от традиций и падение нравов. Авторитетные учёные (Фредерик ле Плей, Вильгельм Генрих Риль) были очень обеспокоены распространением нуклеарной семьи, которое они считали признаком «духовного кризиса», связанным с « пороками индустриализации, мобильности и урбанизации» [9]. В действительности же семейные нравы как раз улучшились: к примеру, постепенно стало убывать физическое насилие мужчин в отношении жён и детей, начала возрастать ценность ребёнка как члена семьи.

На наших глазах с переходом ряда стран к постиндустриальному обществу возникает новая система семьи Третьей волны, основанная на разнообразии типов семьи и большей вариативности ролей человека, свободе ответственного выбора matrimониальных решений. Ранее уже указывалось на то, что семья потеряла экономическую функцию в процессе модернизации и постепенно теряет функцию контроля сексуальности (имея в виду потерю монополии на «законный» секс). Однако у семьи сохраняется и похоже становится главной *функция воспитания детей*, а также всё большее значение приобретает *функция рекреации членов семьи*. Поэтому, как считают исследователи, новая семейная этика должна регулировать прежде всего отношение к детям, быть «детоориентированной» и «понимающей». Эта мораль уже получает достаточно широкое развитие. Не секрет, что во всём мире, в том числе и в России, представители среднего класса вкладывают большие усилия и средства в развитие своих детей (прежде всего интеллектуальное, художественное и физическое). Как показывают исследования ЮНИСЕФ, сегодня каждый ребёнок получает значительно больше родительского внимания, чем 50 или 100 лет назад. Это объясняется также тем, что рабочий день родителей значительно сократился (включая работу по дому), а число детей, благодаря развитию технологий планирования семьи, уменьшилось. Соответственно изменяется модель взаимоотношений родителей и детей — от беспрекословного подчинения и насилия к дружеским, уважительным отношениям, когда ребёнка чаще убеждают, чем принуждают к чему-либо. Иными словами, либерализация и гуманизация отношений в постиндустриальном обществе затронула и семейную сферу. Описанные социокультурные трансформации можно представить в виде комплекса изменяющихся характеристик (таб.2):

Начиная с середины 70-х годов XX в., в СССР много говорилось и писалось о «кризисе семейных отношений», под которым подразумевалось увеличение количества разводов, рост числа гражданских браков (т.е. сожительства) и т.п. В 1990-х к этому добави-

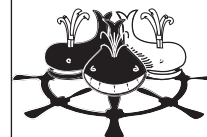

Таблица 2

Тип культуры	Традиционная	Индустриальная	Постиндустриальная
Тип семьи	Традиционная / патриархатная	Нуклеарная	Разнообразие типов семьи
Признаки	совместно проживающая семья из трёх — четырёх поколений женатых и неженатых родственников неравенство мужа и жены, старших и младших в семье обязательность рождения детей в браке безграничные права родителей по отношению к детям. безграничный долг детей перед родителями в случае развода дети остаются с отцом	однопоколенная семья (муж, жена и их дети); один брак на всю жизнь либерализация чувственности допустимость рождения детей не в браке	вариативность семейных жизненных путей либерализация сексуальности взаимозаменяемость родительских ролей в уходе за детьми и их воспитании уменьшение обязательности деторождения, нормативности и материнства, и отцовства отделение родительства от супружества отделение родительства от биологической и от сексуальной основы эмансипация детей от родителей
Функции	воспроизводство населения экономическая хозяйственно-бытовая и социально-статусная социализирующая/воспитательная, сексуальная	воспроизводство населения хозяйственно-бытовая социализирующая/воспитательная сексуальная психологическая	воспроизводство населения социализирующая/воспитательная сексуальная психологическая/рекреационная
Ценности	иерархия и единоначалие (жена и дети жёстко подчинялись главе семьи), жёсткое распределение ролей на основе представлений об экономической целесообразности устойчивость брачных отношений (чувства, как правило, не могли быть обоснованием развода), многодетность (при утилитарном отношении к детям)	взаимодополняющий характер женских и мужских ролей в семье забота и взаимоуважение экономическая стабильность и достаток любовь и секс дети	свобода выбора отношения ответственной зависимости взаимоподдержка взаимопонимание самореализация эгалитарное партнёрство психологический комфорт и секс взаимозаменяемость ролей в семье дети

лась «половая распущенность» и, как следствие, выводилось: снижение рождаемости, рост социального сиротства и беспризорности. В действительности же снижение рождаемости во времена СССР, а затем и в России, как и в других индустриальных странах, имеет

совсем иные причины, о чём неоднократно писали социологи и демографы. К ним относятся: снижение уровня детской смертности, обусловленное улучшением родовспоможения и развитием детской медицины; отмирание экономической функции семьи и необхо-

димости дополнительных «рабочих рук»; значительное увеличение продолжительности периода детства и значительный рост расходов на уход, образование и содержание ребёнка; изменение стандартов качества жизни, ориентация современных обществ на самореализацию и успех и др.

Со сдвигом к постмодерну сопряжены межгенерационные изменения в обширном ряде основных социальных норм, начиная от культурных, связанных с обеспечением выживания и продолжения человеческого рода, и до норм, связанных со стремлением к достижению индивидуального благополучия [5]. В этой связи изменение традиционных гендерных ролей — это лишь элемент «...гуманистической трансформации общества в целом, связанной с распространением ценностей самовыражения, которые способствуют повышению толерантности и многообразию в жизни людей и возникновению антидискриминационных движений различной направленности. <.> Вместе с тем гендерное равенство стало одной из центральных характеристик процесса человеческого развития, поскольку оно представляет собой важнейший аспект равенства между людьми — наряду с гражданскими и политическими свободами, а также правами человека. <.> Укрепление гендерного равенства — одна из основных тенденций человеческого развития» [7, с. 393–394].

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что так называемый «кризис семьи», который многими сегодня интерпретируется как «деградация семейных ценностей», на самом деле означает всего лишь переход к современному типу семейного и общественного устройства. Этот переход связан с разрушением *традиционных представлений* о семье, которые, в свою очередь, демонстрируют сопротивление прогрессу, модернизации нашего общества и его институтов, противопоставляют «семейные ценности» патриархата правам человека. Это сопротивление лишней раз подтверждает закономерность, выявленную социологами: наиболее болезненно трансформация традиционного общества происходит в тех случаях, когда демонтируемые традиции имеют религиозное обоснование (как и в случае

с обоснованием неизменной иерархии отношений между полами в семье и обществе). При этом сопротивление изменениям может принимать формы религиозного фундаментализма, чреватые опасностью для жизни и здоровья людей, что мы и наблюдаем в ряде стран Ближнего Востока (Пакистан, Афганистан и др.)

Трудно не согласиться с мнением социолога и демографа М. Сатуруэйт, что: «Требования, предъявляемые сегодня людьми к необходимым условиям жизни, безопасности, здоровья и возможностям самореализации, отнюдь не являются следствием избалованности, как считают некоторые. Они просто отражают развитие и эволюцию общества, которое начинает уделять больше внимания правам и уважению к индивидууму, сохранению человеческого достоинства, возможности полноценного развития как отдельного человека, так и всех членов общества, с шансами если не равными, то гарантирующими хотя бы изначальное уважение к каждому из них» [17]. Как показывают исследования, в этом вопросе существенно различаются между собой представления жителей столичных городов и провинции, свои особенности имеют этнические территориальные образования. (А.И. Антонов, М.Ю. Арутюнян, Т.А. Гурко, О.М. Здравомыслова — Стоюнина, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина и др.).

В известной статье «Россия, застрявшая в переходе» Маргарет Сатуруэйт подчеркнула, что попытки возродить семейные ценности путём реанимации традиционализма бесполезны и контрпродуктивны. «Это тупиковый путь, т.к. желание иметь детей возникает или не возникает у конкретных современных людей, которые живут в современном мире, ориентированы на личное благополучие... Стремление [людей] к самореализации возрастает, и задача заключается не в попытках подавить это стремление, объявив его разлагающей и вредной тенденцией, а в том, чтобы превратить семью в одну из престижных и уважаемых составляющих этой самореализации, этого модернизирующегося уклада» [17].

Завершение трансформации традиционного общества знаменуется демографическим переходом. Поколение, выросшее

в малодетных советских семьях, имеет психологию, отличающуюся от психологии людей, выросших в многодетных и многопоколенных семьях традиционного типа. Необходимо также иметь в виду, что за годы постсоветских реформ уже выросло новое поколение россиян, первичная социализация которых прошла в условиях беспрецедентной для нашей страны свободы. В целом, ослабление внешнего контроля (со стороны общины и патриархатной семьи) привело к тому, что выбор человеком семейного образа жизни в значительной степени определяется нравственным выбором личности (С.И. Голод).

На протяжении последних двадцати лет практически все социологические исследования, касающиеся изучения ценностей, фиксируют тот факт, что семья является самым важным в жизни россиян. Это трактуется как реакция на происходившие социально-экономические потрясения 1990-х гг., как ответ на снижение доверия к другим социальным институтам, а также как следствие формирования среднего класса, для которого значима сфера приватной жизни [21]. Но представления о характере и ценностях семейных отношений, как показывают исследования социологов и демографов (А.И. Антонов, Т.А. Гурко, О.М. Здравомыслова—Стоюнина, Е.А. Здравомыслова, Н.М. Римашевская, А.А. Темкина, Ж.В. Чернова, и др.), сильно различаются между собой в зависимости от возраста, пола, образования, культуры и места проживания респондентов. По свидетельствам учёных, «новое поколение — это поколение с очень сильно выраженными индивидуалистическими ориентациями. Молодые женщины и мужчины пытаются мыслить стратегически, управлять своей жизнью, добиваться поставленных целей, получая образование, определяя для себя выгодные условия работы, заводя семью, которая не сваливается на голову как судьба, а выстраивается сознательно» [19].

С одной стороны, вышеизложенное доказывает релевантность проявления общих закономерностей модернизации ситуации культурного перехода в России начала 2000-х, но с другой — свидетельствует о том, что современный этап социокультурной трансформации российского общества можно

характеризовать состоянием «префигуративной культуры» (М. Мид), в которой подрастающее поколение не может быть подготовлено для будущего старшими, чьего опыта явно недостаточно, более того, родители нередко учатся у своих детей [11, с. 322].

Так, например, образ семьи с традиционным и достаточно жёстким разделением гендерных ролей активно эксплуатируется родителями и педагогами в воспитании молодого поколения, тиражируется СМИ и киноиндустрией, хотя реалии современности позволяют реализовать этот идеал лишь незначительному числу супругов, даже если мужья заняты в высокодоходных секторах экономики. В то же время во многих семьях жены ещё с советских времён выступают равными и даже основными «добытчицами», но в результате традиционной гендерной социализации ожидания супругов строятся исходя из идеальных представлений, что является источником социально-психологических проблем семейных отношений. В итоге, по данным исследования Т.А. Гурко, Ж.В. Черновой и др., жены не удовлетворены тем, как и сколько мужья зарабатывают, а мужья, в свою очередь, тем, что жены не демонстрируют зависимых образцов поведения [4, с. 65].

Как известно, взгляды и установки изменяются значительно медленнее, чем реалии жизни. Как показали исследования, Т.А. Гурко и Ж.В. Черновой, на протяжении 20 лет «... на вопрос о том, как лучше распределять родительские обязанности в полных семьях, только треть респондентов ориентирована на партнёрский вариант отношений: «И матери, и отцу лучше зарабатывать деньги и одновременно заниматься детьми», а две трети опрошенных вне зависимости от возраста считают, что «матери лучше не работать и заниматься детьми, а отцу зарабатывать деньги» [4, с. 50–51].

Из приведённых примеров следует, что *гендерный традиционализм чрезвычайно живуч* в российском обществе. Для него характерны патриархальные взгляды на семейные отношения, которые плохо сочетаются с концепцией равных прав и с кризисными жизненными реалиями, в которых людям приходится менять свои социальные роли по экономическим причинам.

Очевидна социальная опасность этих явлений для нормального функционирования семьи в модернизирующемся российском обществе и для дальнейшего развития самого общества. Предполагается, что данная ситуация может быть изменена, в том числе посредством *изменения целей и ценностей гендерной социализации* молодого поколения, что на смену отношениям подчинения и дискриминации, характерным для семьи в традиционном обществе, должны прийти отношения, основанные на свободе выбора, равноценном участии (*взаимозаменяемости*) супругов в уходе за детьми и пожилыми членами семьи, в воспитании детей.

Как показывают исследования современной семьи и семейной политики (Ж.В. Чернова), в авангарде социальных, экономических и гендерных изменений российского общества сегодня находятся молодые представители городского образованного среднего класса, для которых прагматический эгалитаризм выступает стратегией построения своих семейных и родительских отношений. Но в гендерных стратегиях семейных отношений членов этой авангардной группы не всё так просто и безоблачно. «На уровне гендерной идеологии они не ставят под сомнение традиционное разделение труда между мужчинами и женщинами, однако на уровне отношений с партнёром ими разделяются ценности гендерного равенства, *особенно до момента рождения ребёнка* [Курсив наш. — ЛШ]; на уровне практик — воспроизводится традиционное разделение ролей, когда родительство выступает триггером [*спусковым крючком* — ЛШ] традиционализма гендерных отношений. Именно они формулируют устойчивый запрос на эгалитарные ценности в сфере семьи и родительства, которые становятся для них важной сферой самореализации наравне с профессиональной. И, несмотря на недостаточную представленность среднего класса в стратификационной системе современного российского общества, можно согласиться с представлениями как западных, так и отечественных исследователей, рассматривающих данную группу в качестве социальных инноваторов, которым принадлежит культурная гегемония и которые находятся <.> в авангарде изменений общества» [21].

Подведём итог: как показывают исследования, семья остаётся *традиционной ценностью* в представлениях и оценках россиян. Но представления о *ценностях семьи и семейного образа жизни*, ожидания современных мужчин и женщин как супругов и родителей по сравнению с *традиционными представлениями* о семье в прошлом, изменяются. На сегодняшний день для российского социума характерно большое разнообразие семейных укладов и соответствующих им ценностей. «Можно говорить о сосуществовании **нескольких конвенциональных гендерных устройств семьи — советского, консервативного и эгалитарного**, каждое из которых имеет определённые ресурсы мобилизации. **Советский** образец паттернов гендерных отношений в сфере семьи и родительства был сформирован предыдущим опытом гендерной политики государства и воспроизводится на уровне практик. **Консервативный** вариант представлен в последних попытках [*государства в союзе с РПЦ — ЛШ*] (ре)конструкции традиционных семейных ценностей, предпринимаемых на уровне официального дискурса и поддерживаемых консервативными силами общества. **Модель семьи, основанная на принципах равного участия** обоих партнёров в выполнении домашней работы и заботы о детях, находит отражение в запросе на гендерный эгалитаризм и находит своё выражение на уровне построения индивидуальных семейных сценариев представителей городского среднего класса [Там же].

В целом эволюция семейных ценностей отражает ключевые направления модернизации нашего общества — *рационализация и секуляризация, переход от единообразия — к многообразию, от жёстких правил и ограничений рода — к свободе индивидуального выбора жизненных стилей и самовыражения, от ценностей выживания к ценностям благополучия.*

Исходя из этого, ориентироваться в воспитании подрастающего поколения исключительно на «ценности традиционной семьи», как и на «традиционные семейные ценности», не учитывая происходящих изменений, означает, как минимум, дезориентировать завтрашних женщин и мужчин, фор-

мировать у них ожидания, которые ведут к взаимным разочарованиям, претензиям, конфликтам и одиночеству.

Означает ли вышесказанное, что мы отмечаем традиционные ценности нашей культуры и ценности традиционной семьи как устаревший хлам? Отнюдь. Но мы призываем коллег-педагогов быть хорошо образованными реалистами, не попадаться на манипуляции и спекуляции политиканов и не путать желаемое с действительным как в одну, так и в другую сторону.

Мы утверждаем, что педагогам, организующим сегодня социализацию молодого поколения россиян и подготовку их к семейному образу жизни, необходимо чёткое понимание исторического этапа и закономерностей эволюции российского общества в целом, сосредоточенное внимание к культурно-историческому контексту функционирования тех или иных ценностей, их релевантности сегодняшнему дню, существенным изменениям ряда краеугольных ценностей (семья, брак, родительство и др.) по существу.

Коротко говоря, педагогу, с одной стороны, необходимо держать в поле зрения стратегическое направление эволюции современного общества, а с другой, планируя процесс воспитания, рассчитывать «ширину шага» с учётом «возраста» и ценностей актуальной культуры того региона, этнической или социальной группы, где он работает.

Это требование обусловлено тем, что в современной России, наряду с центрами культуры урбанизированно-индустриального типа, в некоторых случаях приобретающих черты постиндустриальной культуры (столичные агломерации и города Поволжья, Южного Урала, Сибири), одновременно функционируют этнические культуры, в большей

степени сохраняющие черты архаики (малочисленные народности Севера), а также традиционные (в буквальном значении этого слова — ЛШ) культуры ряда коренных этносов Сибири и Дальнего Востока, Северного Кавказа[2]. Подобная разнотипность культур накладывает серьёзный отпечаток на модернизационные процессы и условия социализации молодёжи в нашей стране.

С учётом вышеизложенного, ключевое внимание педагогов и родителей в воспитании у молодого поколения стремления создавать и строить семью, иметь детей должно быть направлено на то, чтобы:

- превратить семью в представлениях будущих мужчин и женщин в одну из престижных и уважаемых составляющих самореализации независимо от половой принадлежности (не путать с сексуальностью!);
- оказать помощь в освоении и усвоении молодыми модернизирующегося семейного уклада, основанного на осознании важности семьи для развития и поддержки каждого её члена; на осознанной свободе выбора партнёра и времени создания семьи, рождения детей, ценностях взаимопочтения, гендерного равенства и эгалитарного сотрудничества, любви и заботы.

В качестве критериев сформированности фамилистических ориентаций могут выступать следующие: направленность личности на семейный образ жизни, ценности брака, супружества и родительства; гендерная компетентность и толерантность в общении со сверстниками, а также старшими, представителями разных этносов, религий и культур (С.Ю. Девярых, Л.В. Штылева); приверженность здоровому образу жизни, проявления любви, заботы и уважения к членам своей семьи или лицам их замещающим.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вишневецкий А. Демографические странности// Знание-Сила — № 9.- 2005.-с. 86–90
2. Возникновение, основные периоды и тенденции в эволюции культуры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.grandars.ru/college/sociologiya/razvitie-kultury.html> / (Дата обращения — 15.01.2015)
3. Гавров С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. Глава II. Процессы модернизации в России/ [Электронный ресурс]. URL: <http://bibliotekar.ru/gavrov-1/3.htm> / (Дата обращения — 20.01.2015)
4. Гурко Т.А. Родительство: социологические аспекты. — М.: Центр общечеловеческих ценностей, 2003.- 160с.

5. Данилюк А.Я. Концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект/А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишкин. Рос. акад. образования.- М.:Просвещение, .- 2009.- 36с.
6. Инглхарт Р. Постмодерн: Меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. [Электронный ресурс]. URL: <http://netess.ru/3knigi/947393-1-postmodern-menyayuschiesya-cennosti-izmenyayuschiesya-obschestva-ringlhart-inglhart-ronald-institut-socialnih-issledovaniy-pri.php/> (Дата обращения — 20.01.2015)
7. Инглхарт Р. Модернизация — ценности — счастье: Россия и мир. Лекция в НИИ ВШЭ, 6.12.2012г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.contextfound.org/events/y2012/m12/n79/> (Дата обращения — 13.01.2015)
8. Инглхарт Р. Модернизация, культурные изменения и демократия: последовательность человеческого развития.- М.: Новое издательство, 2011.- 464с.
9. Кагитина С.Ю. Становление новой системы ценностей в контексте модернизационных процессов в современной России. — Автореф дис. на соиск. уч. степ. .к.филос.наук.- М.: МГСУ, 2010г.- 24 с. [Электронный ресурс]. URL: www.guu.ru/files/referate/kagitina.pdf/ (Дата обращения — 20.01.2015)
10. Материалы сайта Truemoral.ru /Семья. [Электронный ресурс]. URL: <http://truemoral.ru/family.php/> (Дата обращения — 03.02.2015)
11. Мационис Дж. Социология: 9-е издание. — 2004. — 738с.
12. Мид М. Культура и мир детства. — М.:Наука, 1988.- 322с.
13. Михайлов А. С драйвом: Дмитрий Медведев обещает политическую схватку. // «Российская газета» — Федеральный выпуск № 5809 (136). [Электронный ресурс] <http://www.rg.ru/2012/06/18/edro.html/> (Дата обращения — 09.02.2015)
14. Портал Русская народная линия [Электронный ресурс] URL: http://ruskline.ru/tema/obwestvo/problemy_sem_i_braka/ — обращение — 09.02.2015
15. Россия уже никогда не станет империей: Интервью с политологом Ф. Лукьяновым. [Электронный ресурс]. URL: <http://znak.com/urfo/articles/21-09-13/101238.html/> (Дата обращения 06.02.2015)
16. Русская народная линия: Проблемы семьи и брака. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/tema/obwestvo/problemy_sem_i_braka/ (Дата обращения — 09.02.2015)
17. Сатуруэйт М. Россия, застрявшая в переходе. Эксперт-online-25.-9.2006. [Электронный ресурс] URL: http://expert.ru/expert/2006/35/demograficheskaya_problema_v_rossii/ (Дата обращения 10.02.2015)
18. Словарь русских синонимов 4. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-synonyms4.htm/> (Дата обращения — 10.02.2015)
19. Темкина А.А. Эмансипация старого образца современным женщинам неинтересна.// Вокруг света [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/7871/> (Дата обращения 10.09.2013)
20. Тоффлер Э. Третья волна. — Москва: АСТ, 2004. — 781 с.
21. Чернова Ж. Гендерные аспекты семейной политики. Эксперт-online-25.09.2006. [Электронный ресурс]. URL: <http://polit.ru/article/2014/02/13/family/> (Дата обращения- 20.03.2014.)
22. Rostow W.W. The Stages of Economic Growth: A Non-Communist Manifesto Cambridge: Cambridge University Press, 1960;